

ПРОБЛЕМА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Александр Фоменко

Александр Владимирович Фоменко - историк и политолог, депутат Государственной Думы IV созыва, член ПАСЕ (2004-2008 гг.).

bdmitriev@mid.ru

ОТНОШЕНИЕ большинства западных стран континентальной Европы ко Второй мировой войне всегда отличалось и будет отличаться от нашего отношения к Великой Отечественной. И это вполне объяснимо, ибо действительно страшным испытанием для Европы стала Первая мировая война, а не Вторая.

Вторая мировая велась со страшными разрушениями и с нечеловеческим напряжением всех сил лишь на Восточном фронте, и только два государства - Советский Союз и Германский рейх - заплатили по всем ее счетам. Вооруженное же сопротивление Гитлеру в Европе, в силу разных причин, имело вполне локальный характер: ни одно из государств континента не смогло или не захотело тогда меряться силами с Берлином.

В целом наш День Победы, вне границ России и СНГ, имеет непререкаемое значение лишь для граждан Израиля. Совершенно ясно, что наше - русское и советское - отношение к этому празднику не могут разделять граждане тех стран, для которых материальные бедствия войны сводились к отсутствию кофе в свободной продаже. (Это - не преувеличение: именно так обстояло дело либо в оккупированной, либо контролируемой нацистским рейхом Западной Европе.)

Как раз тогда, например, когда московские театры эвакуировались в наш глубокий среднеазиатский тыл, присутствие немецкого оккупационного гарнизона в Париже в начале 1940-х годов не мешало, похоже, творчеству ни популярных французских шансонье, вроде Мориса Шевалье, ни представителей высокой культуры, вроде Жана Кокто или Пабло Пикассо.

Более того, на юге страны, находившемся тогда под юрисдикцией национального правительства маршала Петэна, со столицей в городе Виши, происходил тогда настоящий расцвет национального французского кинематографа: именно тогда начались актерские карьеры таких будущих любимцев советского зрителя, как Жан Марэ и Жерар Филипп.

КОГДА ЭТО НАЧАЛОСЬ?

ХОД ВОЙНЫ и ее итоги начали пересматриваться Западом, собственно, почти сразу по ее окончании - с принятием Соединенными Штатами решения об их жестком военно-политическом противостоянии с СССР, недавним союзником по антигитлеровской коалиции. Проводившиеся в ходе холодной войны психологические операции характеризовались чрезвычайно высоким накалом взаимного идеологического давления, в котором исторические факты были лишь материалом для создания обеими сторонами нужных им идеологически верных (на Западе говорят: политически корректных) образов.

В итоге взаимных усилий к началу 1990-х годов народные массы СССР имели весьма слабое представление о степени ожесточенности японо-американской войны на Тихом океане, а народные массы США и стран-сателлитов были уверены в том, что во Второй мировой войне и немцев, и японцев разбили именно и только американцы, при некотором участии англичан. Правда, дальше этого дело не пошло: немцы и японцы, безусловно, оставались «плохими парнями».

Ибо любой намек на оправдание действий нацистской Германии (в духе современного Таллина или Львова) неизбежно ставит под сомнение роль англосаксонских солдат-освободителей, пришедших в Западную Европу в 1944-1945 годах. А ведь все существующие на современном Западе политические режимы легитимированы именно былой победой коалиции демократических наций.

Но историческое значение и политический смысл майской победы 1945 года для великих западных держав - США, Великобритании с ее доминионами, Франции, Германии и для большинства остальных стран Европы - различны.

Для Лондона - это последняя славная страница истории Британской империи, ибо уже через несколько лет после нее, в 1949 году, с получением Индией независимости, эта империя прекратила свое существование.

Для Вашингтона - это символ окончательного перехода к нему геополитического наследства Британии и начало его полнообъемного военно-политического присутствия в Европе.

Для Парижа - это подтверждение факта его возвращения в клуб великих держав после поражения 1940 года и оккупации немцами половины собственно французской территории.

Для нынешнего Берлина - начало новой, уже не прусской, а европейской, посттоталитарной истории Германии, идейное основание ее современной либеральной государственности.

Что касается других европейских столиц, не притязающих на статус мировых, то для них происшедшая после войны смена правящих режимов - во всех не бывших нейтральными европейских странах - стала либо подтверждением их неполной суверенности внутри Запада, либо началом периода столь же неполной суверенности внутри тогдашнего Востока.

MITTELEUROPA КАК ПРОБЛЕМА

ДАЛЕКО НЕ СЛУЧАЙНО ТО, что сегодня попытки официального пересмотра истории Второй мировой войны происходят, собственно, лишь в «новоевропейских» странах. Хотя и не во всех: словацкий премьер Роберт Фицо, например, сорвал аплодисменты в зале заседаний ПАСЕ как раз своим заявлением об опасности попыток такого пересмотра для единства Европы¹. (Понимая, что репрессии против немецкого населения Чехословакии, проводившиеся после 1945 года в соответствии с так называемыми «декретами Бенеша», исходя из представлений о «коллективной вине» немцев, не могут быть оправданы с точки зрения современных политических стандартов Совета Европы, безусловно отрицающих «этнические чистки». Поэтому руководители как Чехии, так и Словакии просто не могут себе позволить роскоши пересмотра итогов Второй мировой.)

Предпосылки к этим попыткам ревизии итогов войны были заложены еще 20 лет назад, в середине 1980-х годов. Когда горбачевский СССР решил на воссоединение Германии, дальнейшее существование ялтинско-потсдамско-хельсинкской системы впервые стало под вопросом. Хотя, даже после инкорпорации ГДР в ФРГ, резкой эрозии этой системы вполне можно было избежать.

Но с роспуском СССР и фактическим перекраиванием не только границ в Европе, но и всей мировой политической архитектуры трудно было сохранить в неприкосновенности

само идеологическое обоснование старой системы - мифологему союзной Победы во Второй мировой войне.

Сегодня Западная Европа все еще продолжает внутри своих старых границ поддерживать инерцию существования оставшихся от времен Хельсинкского совещания идеологических клише, а такой межгосударственный институт ОБСЕ делает все, чтобы доказать неизменность старого курса.

Хотя вследствие агрессии стран НАТО против Сербии - Югославии и последовавшего затем физического отторжения от Сербии ее провинции Косово и Метохия эрозия старого мира стала уже необратимой.

Нужно иметь в виду, что если правящий класс Запада и помнит сегодня о победе над нацистами, то делает он это явно иным, отличным от нас, образом.

Учитывая тот факт, что генерал де Голль, придя в 1944 году к власти, с одной стороны, на англо-американских штыках (при этом нет никаких оснований думать, что де Голль испытывал какие-либо теплые чувства по отношению к англосаксам), а с другой - вместе с французскими коммунистами и при поддержке СССР, произвел весьма масштабную и жесткую чистку французского общества, можно предположить, какую судьбу он мог бы уготовить какому-нибудь корсиканскому или эльзасскому Степану Бандере. Но если мы как страна в более или менее обозримом будущем хотим добиться от европейских институтов если не уважения наших чувств по поводу Второй мировой войны, то хотя бы дисциплинарных воздействий по отношению к тем государствам - членам ЕС, которых мы два десятка лет назад столь добродушно отпустили восвояси, даже не оговорив при этом условий наших будущих взаимоотношений, то нам явно не следует жаловаться в Брюссель на поведение разнообразных политических хулиганов.

Ссылки на мифологию «антигитлеровской коалиции» не имеют большого смысла для сегодняшнего Евросоюза, которого мало волнуют воспоминания о Ялте и Потсдаме:

Континентальную Европу явно не греют воспоминания о том, как прибывшие из-за океана или по меньшей мере из-за Ла-Манша англосаксы (американцы и британцы) за столом переговоров с русскими коммунистами, но без остальных европейцев (бывших, за исключением французов де Голля, либо проигравшими, либо жертвами, либо нейтралами) определяли судьбы континента.

Для Соединенных Штатов времена «Большой тройки» тоже давно канули в Лету, за последние годы гораздо привычней стала для них новейшая мифология победы их в холодной войне - вместе с нынешними западноевропейскими партнерами, нежели историческая реальность Ялты и Потсдама - трудных переговоров с тогдашними советскими союзниками.

СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

СЕГОДНЯ реактивная политика России в области Soft Power должна уступить место политике активной, инициативной. Реагирование на те или иные случаи враждебной нам интеллектуальной ревизии итогов Второй мировой войны может иметь смысл только в качестве дополнения к нашим собственным починам в этой сфере.

В «войне интерпретаций» нам, вместо поиска нужных ответов на чужие вопросы, лучше заняться формулированием своей собственной интерпретации истории Второй мировой, напоминая Брюсселю и Парижу о тех ее страницах, к которым, по воле победителей, все послевоенные десятилетия не принято было привлекать излишнее внимание.

Начав публичное обсуждение с западными коллегами неприглядных для западных стран исторических фактов, мы можем достаточно скоро почувствовать снижение градуса «войны интерпретаций». Потому что обращение к многогранной теме взаимоотношений Европы и гитлеровского нацизма - весьма неудобно для правящих либеральных

европейцев всех стран, даже тех, кто оказался в 1945 году на правильной стороне, на стороне англосаксонско-советских победителей.

Учитывая тот факт, что о наших чувствах Париж и Лондон сегодня особенно не заботятся, нам тоже не следует осторожничать с чувствами их элит. Следует поставить «старых европейцев» перед необходимостью определиться, должны ли они сегодня солидаризоваться с духовными потомками тех ветеранов Второй мировой, кто воевал за установление в Европе «нового порядка», или им можно обойтись привычными клятвами в вечной дружбе с народами стран антигитлеровской коалиции.

Нам самим, впрочем, тоже придется расстаться с некоторыми историческими иллюзиями и штампами, ставшими привычными за прошедшие после войны десятилетия.

Мы не вдавались в теоретические и практические различия между различными версиями европейского антилиберального и антикоммунистического национализма и звали всех, без исключения, врагов коммунизма и либерализма «фашистами», подразумевая при этом немецких национал-социалистов.

Хотя разница между католическими корпоративистскими режимами доктора Салазара и генерала Франко и революционно-прогрессистскими проектами известного социалиста Бенито Муссолини и не менее известного национал-социалиста Адольфа Гитлера - огромна.

И между фашистским режимом Муссолини, явно не симпатизировавшим немцам и идеологически чуждым каким-либо расовым мотивам, и режимом Гитлера - различий было не меньше, нежели между различными толками ислама - суннитским и шиитским.

В июле 1943 года именно Большой совет фашистской партии проголосовал за отставку Муссолини: и некоторые его заслуженные члены, как де Боно, заплатились за это головой, Муссолини, освобожденный из-под ареста немецкой группой специального назначения под командованием Отто Скорцени, попытался вернуться к власти на немецких штыках, создав на севере Италии так называемую *Республику Сало*. С попавшими ему в руки бывшими соратниками, накануне отказавшими ему в доверии, он поступил, так сказать, по законам военного времени. Но в итоге последовавших событий Итальянское королевство в сентябре того же года замирилось с антигитлеровской коалицией, а 13 октября - даже объявило войну Германии.

С другой стороны, в СССР неумеренно прославляли «всеевропейское Сопротивление» нацизму, придавая ему слишком большое значение, вне всякой связи с исторической реальностью. Ведь воздействие Сопротивления в странах старой Европы на военную машину Берлина было небольшим, более или менее масштабное партизанское движение против немцев существовало лишь на территории Сербии и в Польше, а в рядах союзных армий против Гитлера воевали лишь поляки - в гораздо большем числе, кстати, нежели официальные победители - французы де Голля. (Именно поэтому отношение сербов или поляков к памяти об этой войне отличается от отношения к ней других, как западных, так и восточных европейцев.)

Славные легенды о французских коммунистах - героях антигитлеровского Сопротивления - призваны были, в частности, скрыть один бесспорный факт: люди Мориса Тореза в 1940 году были пораженцами, выступавшими против войны своей страны с нацистской Германией, тогдашним союзником советских коммунистов. Лишь после 22 июня 1941 года французские коммунисты и нацисты оказались по разные стороны фронта.

Как в Париже, так и в Москве, Лондоне и Вашингтоне все послевоенные десятилетия предпочитали не вспоминать и о том, как именно появился на свет и что представлял из себя знаменитый вишистский режим.

Надо сказать, что национального героя Франции маршала Филиппа Петена (бесспорного победителя в битве под Верденом) законно избранный французский парламент, с соблюдением необходимых формальностей, наделил в 1940 году

полномочиями главы Французского государства. И маршал был, в глазах антигитлеровских союзников - как минимум до 1942 года: когда он разорвал отношения с англосаксами вследствие их вторжения на территорию французской Северной Африки, а в глазах большинства французов - до осени 1944 года, законным главой Французского государства, а не просто некоего «режима Виши».

Это государство, возглавляемое маршалом Петеном, не капитулировало перед Германией: военные действия на французско-немецком фронте были остановлены после подписания простого перемирия. И условия перемирия Парижа с Берлином, заключенного правительством Петена, были много легче условий знаменитого Брестского мира, подписанного в 1918 году большевиками. Например, в неприкосновенности от победителей-немцев Петен сохранил заморские территории - огромную французскую колониальную империю. В труднейших условиях военного поражения (в котором не было вины самого маршала) он по мере сил сберегал население страны, армейские кадры и военные ресурсы для будущего.

Не стоит забывать и о том, что глава Французского государства, как и вождь Испании генерал Франко, никогда не объявлял войны ни США, ни СССР. То есть он не был союзником Гитлера.

Берлин довольствовался возможностью использовать на Восточном фронте части французских добровольцев из дивизии СС Charlemagne, то есть «Карл Великий», и испанских добровольцев «Голубой дивизии».

Ни в Москве, ни в Париже, ни в Берлине, кстати, никогда не хотели вслух говорить и о том, что воинским подразделением, до последней капли крови защищавшим берлинскую рейхсканцелярию от наступавших советских частей, была рота именно этой французской дивизии СС.

Вообще говоря, граждане стран Западной Европы поступали в ряды добровольцев Waffen-SS в гораздо большем количестве, нежели в ряды Сопротивления. В боевых частях СС этнических немцев было даже меньше, нежели других европейских добровольцев (включая и боснийских славян-мусульман). А именно - меньше половины их личного состава². Даже некоторые идеалистически настроенные представители нейтральных европейских стран вступали в ряды СС и отправлялись на Восточный фронт. Так, например, в упорных боях на Восточном фронте отличились бельгийские добровольцы пехотной дивизии СС «Валлония», которыми командовал видный бельгийский поэт и влиятельный в 1930-х годах политик Леон Дегрель, проживший затем долгую жизнь в испанской эмиграции и мирно скончавшийся в начале 1990-х годов.

Надо признать, что высокоталантливые поэты в 1930-х годах, уровня Поля Элюара или Эзры Паунда, почти поголовно симпатизировали либо коммунистам, либо фашистам, либо нацистам, вольных и невольных наследников европейского романтизма влекла революционная, опрокидывающая *скудную* действительность суть этих движений.

Слава Богу, и к счастью для нас, число этих пассионарных адептов панъевропейского проекта Гитлера и Гиммлера измерялось сотнями тысяч, а не десятками миллионов.

Европейский коллаборационизм - это отдельная большая тема истории Второй мировой войны. И мы знаем о ней гораздо больше, нежели, например, о мучениях и лишениях так называемых «перемещенных лиц», уже после войны миллионами покидавших места своего довоенного проживания или изгонявшихся из них - и не только советскими коммунистами, но и несоветскими либералами-антикоммунистами.

Но история - историей, а сегодняшняя политическая реальность Европы вовсе не предполагает пересмотра основополагающей для послевоенного ооновского миропорядка идеологии. Даже если в войне демократических наций против нацизма и фашизма не все было так просто, как утверждала пропаганда союзников - американская, британская и советская.

Даже если относиться к ней по примеру известного немецкого историка Эрнста Нольте³ как к всеевропейской гражданской войне, то это не значит, что сегодня

непременно нужно героизировать воинов Гая Мария, проигравшего в начале I века до Р.Х. гражданскую войну Луцию Корнелию Сулле.

Известно, что даже в более ясных - как с моральной, так и юридической точек зрения - случаях исторические изыскания и оценки не могут приводить и не приводят к пересмотру оценок политических.

В пору американской Войны за независимость, например, многие десятки тысяч британских колонистов сохранили верность короне и поплатились за это, подвергшись беспощадным репрессиям, будучи лишены революционными властями гражданских прав и собственности. С современной точки зрения они пострадали совершенно безвинно, но никакое правительство США не может себе позволить сомнений в юридической и политической правоте Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона.

РУССКАЯ ТРАГЕДИЯ

СЕГОДНЯ нам можно быть вполне откровенными в освещении всех, без исключения, трудных тем истории Второй мировой и Великой Отечественной. В том числе и темы русского и советского коллаборационизма с Гитлером. Во-первых, все подлинные или мнимые секреты уже обсуждаются - или ветеранами британской разведки русско-советского происхождения, или любителями истории из числа руководителей тех или иных стран «новой Европы».

Во-вторых, нет таких тем, обсуждение которых может быть неудобно для нашей страны - не только правопреемника СССР, но и наследника императорской России.

Понятно, что в условиях войны недопонимание природы гитлеровского режима и его отношения к нам, русским, можно было объяснять разного рода обстоятельствами, бедствиями войны, но сегодня эти объяснения не применимы.

Смешно рассуждать о борьбе с коммунизмом, а не с Россией, в применении к всеевропейскому походу против СССР 1941-1945 годов и объявлять деятельность разного рода русских и советских коллаборантов с нацистами альтернативой тому антигитлеровскому сопротивлению, в котором объединилось безусловное большинство как советских граждан, так и русских антисоветских эмигрантов первой волны.

Примером таких рассуждений о борьбе с коммунизмом, а не Россией является священник Георгий Митрофанов, в своем заскорузлом антисоветизме дошедший до морального уравнивания царского генерала Краснова, не изменившего *двуглавому орлу*, открытого врага *красного знамени*, и дважды предателя, советского генерала Власова. Впрочем, десоветизация Российской Федерации, сопровождавшаяся ожесточенным идеологическим противостоянием прореволюционных и антиреволюционных взглядов в самых разных областях, не могла не привести к появлению в постсоветской России таких экзотических персонажей.

Весь корпус исторических данных свидетельствует о том, что национал-революционер Гитлер не рассматривал для России никаких реставрационных проектов (он ведь даже с советским генералом Власовым ни разу не встретился, не то что с русским генералом Красновым), а любой антикоммунистический проект неизбежно реставрационен, хотя бы по форме.

Сегодня можно только сожалеть о политической и человеческой наивности, с которой на «антикоммунистическую» идейную приманку клюнули многие европейские антикоммунисты, русские белоэмигранты и бывшие советские граждане - сотни тысяч их пошли служить как в немецкие вооруженные силы, так и в различные этнические формирования на той же стороне.

Надо признать, что зимой и весной 1945 года, когда все было ясно, вряд ли можно было вступать в РОА, и тем более идти в бой - из простой трусости или каких-либо подобных чувств. Видимо, степень ненависти к режиму превышала у этих коллаборантов

все возможные пределы, и можно только догадываться, какие события в их семейных историях и истории их страны послужили причиной этой ненависти. То, что в 1920-х и 1930-х годах советский режим сделал с подвластным ему народом, мы до сих пор не можем до конца понять.

Никогда, похоже, народы Российской империи не испытывали таких чувств к своим управителям, какие испытывали в 1920-х или 1930-х годах народы СССР.

И если в 1914 году латыши в Прибалтийском крае верноподданнейше просили государя даровать им возможность создать национальные части латышских стрелков для борьбы с германской армией*, то в 1941 году национальные латышские части формировались уже и на немецкой стороне, в рядах Waffen-SS.

Если в 1916 году государь благодарил за военные подвиги на австрийском фронте своих славных ингушей и чеченцев, добровольно вступавших в его армию, то в 1944-ом маршал Сталин вынужден был высылать тех же горцев, не будучи удовлетворен их лояльностью советскому режиму.

Весьма показательна в этом смысле судьба белого коллаборанта, видного русского писателя и героя Великой войны генерала П.Н.Краснова. В 1941-1945 годах он решил продолжить свою собственную гражданскую войну с красными, хотя якобинцев к тому времени уже вымели из Кремля корсиканской метлой и из разнородного революционного сброда уже вырастали будущие сталинские маршалы.

Нужно признать фундаментальную разницу в юридической и моральной ответственности, так сказать, белых и красных коллаборантов с Гитлером.

Притом что Краснов не смирился с победой Красного знамени над имперским двуглавым орлом (временной, как мы теперь знаем), он, определенно, не предавал нашу советскую родину - в отличие от Власова - ни в 1941, ни в 1945 годах. Присягу он давал в свое время государю императору, а не советскому правительству. С вполне февралистски настроенным семинаристом-коммунистом Власовым реакционер и казак Краснов, кстати, решительно не захотел иметь дела.

Поэтому Краснова можно было - в соответствии с нравами Гражданской войны - убить как политического врага советского режима, воевавшего на стороне тогдашних противников этого режима, его можно осуждать за шашни с нацистами, но его, в отличие от Власова, не за что было судить советским судом.

С холодно-исторической точки зрения можно согласиться с тем, что у бойцов Русского корпуса генерала Штейфона, воевавшего в Югославии против коммунистических партизан Тито, как и у казаков Краснова и фон Паннвица, была своя правда**. Но это совсем не отменяет того бесспорного факта, что своя правда была и у генштабистов Б.Шапошникова, и солдат К.Рокоссовского. И Шапошников, и Рокоссовский, кстати, были офицерами еще царского производства.

Эта-то историческая правда, правда Шапошникова, а не Краснова, и победила в 1945 году. Факт этот бесспорен - сколь бы ни были спорны и даже сомнительны юридические

**После боевого крещения стрелков под Митавой (Елгавой) в мае 1915 г. в городе состоялась патриотическая манифестация латышей под портретами государя императора и Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича с латышскими патриотическими лозунгами и пением нашего общегосударственного народного гимна «Боже, Царя храни!».)*

*** Тот факт, что германский подданный Гельмут фон Паннвиц, не попытавшись получить у британцев статус военнопленного, предпочел отправиться на верную смерть вместе со своими русскими товарищами по оружию, находит некоторое объяснение в его восточно-прусском происхождении: ближайшими соседями фон Паннвицев по имени была семья известного «кавказского» генерала – на русской стороне границы, бывшей вплоть до начала Первой мировой войны достаточно прозрачной; и оба брата фон Паннвица с детства дружили с Маргаритой Краснокутской-Лопухиной.) в той войне⁴*

процедуры, на основе которых победители порой расправлялись с поверженными врагами или союзниками врагов.

Русскую судьбу в XX веке можно действительно считать трагической.

Потому что в высоком жанре трагедии все протагонисты правы, но итог трагедии - катастрофа. В отличие от драмы, где всем ясно, кто герой, а кто злодей.

Но недаром ведь драма - мещанский жанр. А Эсхил, Софокл и Еврипид - это что-то иное, бесконечно более высокое.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕСМОТРА

ПОСЛЕДСТВИЯ даже мягкого пересмотра итогов Второй мировой войны хотя сегодня не совсем очевидны, но вполне угрожающи для существующей системы международных отношений. Об этом не всегда подозревают как в Риге и Таллине, так и Вашингтоне, Париже и Лондоне, хотя хорошо помнят в Праге и Братиславе.

Ибо 1945 год был не только годом военного торжества либерализма и коммунизма, но и годом военного поражения идеи этнического и расового национализма, годом прекращения внутриевропейского соперничества и противостояния, и породившего в начале века, собственно, весь кошмар второй Тридцатилетней войны 1914-1945 годов. Многонациональные имперские миры Вены и Петербурга, разрушенные под аккомпанемент мантр о «самоопределении» различных народов, были отомщены.

Союз католической монархии Габсбургов, династической и многонациональной, с так называемой империей Гогенцоллернов, построенной по чисто этническому принципу, был ситуативным, и даже противоестественным. Включение же австрийских остатков Дунайской империи (так называемой Австрийской республики) в состав Германского рейха в 1938 году ознаменовало победу немецких этнических националистов в многолетней борьбе с имперской идеей Вены.

Даже будучи зажаты между Москвой и Вашингтоном, европейские страны именно тогда почувствовали наконец свою континентальную общность поверх блоковых барьеров.

Пересмотр политических итогов европейской гекатомбы означает восстановление, под тем или иным предлогом, старой парадигмы внутривидового соперничества в отношениях между европейскими странами и народами. (Далеко не случайно те восточноевропейские политики, кто попробовал пересмотреть итоги Второй мировой и дать новую жизнь старым политическим проектам националистического свойства (вроде новой усташской державы 1990-х годов - Хорватии), не смогли сделать этого без пролития рек крови.)

Европа, вследствие прививки ей восточноевропейского антикоммунизма, рискует потратить годы на «исторические» разборки. Если Рузвельт, Черчилль и Сталин были не правы в мае 1945-го, то тогда все возможно в 2010-м или 2015-м!

ЭТО - НАШ ПРАЗДНИК!

ВАЖНЫЙ ДЛЯ НАС ВОПРОС - избавление от советских иллюзий о «всемирно-историческом значении» нашей Победы во Второй мировой.

В мире никто, по большому счету, кроме самих британцев, не был столь уж заинтересован в победе союзников, в нашей Победе.

Для большинства граждан США тогдашняя европейская война (в отличие от войны тихоокеанской) представлялась не более необходимой, нежели ведущаяся сейчас иракская кампания.

Тогдашние американские правые интеллектуалы, исходя из совершенно патриотических и консервативных соображений, оценивали действия администрации Франклина Рузвельта не менее жестко, нежели современные левые интеллектуалы оценивают действия администрации Буша-младшего.

Поэтому американские исследователи могут десятилетиями обсуждать степень серьезности причин и поводов для вступления их страны в войну как против Японии, так и против Германии⁵.

Та часть населения британских колоний, что тяготилась колониальным статусом и мечтала о деколонизации, явно предпочла бы победу нацистской Германии над колонизаторами из Лондона. Ясно, что будущие друзья советского народа Джавахарлал Неру и Гамаль Абдель Насер не могли грезить о победе демократических наций: ведь одной из таких наций была Великобритания.

Иранские же интеллектуалы вряд ли радовались тому, что территория их страны в годы Второй мировой войны была оккупирована СССР и Британской империей и что безо всякого спросу на их земле наша «Большая тройка» проводила свои встречи.

По схожим причинам националистически настроенные латиноамериканцы не особенно радовались победам североамериканских гринго. А после войны именно в Латинской Америке укрывались бежавшие из Европы разнообразные гитлеровцы.

Для ощущения законной гордости за свою страну и свой народ нам вполне достаточно осознания того, что это была наша Великая Победа в нашей Отечественной войне, что в такой войне не мог добиться военной победы никто, кроме нас.

Именно для нас - и только для нас - это была война на выживание. И именно мы нанесли военное поражение врагу на поле боя: англо-американцы, канадцы и французы так никогда и не почувствовали, к счастью для них, что означают слова, выбитые на сталинских медалях: За взятие... Кенигсберга, Берлина, Вены и Будапешта.

Комендант 18-тысячного немецкого гарнизона Ла-Рошели, за время оккупации превращенного в неприступную твердыню, после высадки союзников в Нормандии получил из Берлина приказ оборонять город до последнего, а затем взорвать его. Вполне осознавая бессмысленность сопротивления, но не желая позорного плена без боя, он в октябре 1944-го заключил с представителем правительства де Голля соглашение о «ненападении» и спустил флаг лишь 8 мая 1945 года. Это была другая война.

Нам настолько привычно отмечать день 9 Мая в качестве важнейшей даты нашего календаря, что удивительным кажется тот факт, что сам-то победитель Гитлера, генералиссимус Сталин, не считал необходимым превращать этот день в тот государственный и всенародный праздник, каким мы его знаем. Сталин хорошо помнил и Великую войну, и Гражданскую войну, и для него Великая Отечественная не была, очевидно, главным событием в его жизни и в жизни его государства.

Для Сталина этот день был важнейшей вехой в истории страны (и днем, между прочим, его личного торжества), но побежденный в той войне враг был для него лишь побежденным врагом, но никак не персонификацией мирового зла. В конце концов, именно с Гитлером он договаривался в 1939-м (тогда, правда, до начала новой мировой войны, рейхсканцлер был вполне «рукопожатным» персонажем мировой политики), с ним же он пытался договориться о прекращении военного противостояния в 1942 и 1944 годах⁶.

Для Брежнева же, ветерана Великой Отечественной, война была, безусловно, главным событием в его жизни, поэтому он и оказался в роли инициатора празднования Союзом Дня Победы в качестве всенародного события.

Вольно или невольно брежневская инициатива стала зримым выражением не столько сознательной русификации, сколько бессознательного и естественного обрусения коммунистического режима.

Хотя собственно антисоветская и антикоммунистическая часть русского народа (например, паства Русской зарубежной церкви - те, кто происходит из строго

монархических семей так называемой первой, то есть послереволюционной, эмиграции, а также практически все потомки так называемой второй, то есть послевоенной, эмиграции) никогда не считала 9 Мая своим праздником. Ибо она проживала вне пределов СССР.

Но если какое событие и могло служить основанием для разговоров о существовании новой исторической общности людей - советского народа, то это - Великая Отечественная война и Победа 1945 года.

И сегодня, через два десятка лет после роспуска СССР, День Победы, хотя бы на территории СНГ, ежегодно дает повод для общих воспоминаний, повод говорить об исторически существовавшем единстве, единстве судьбы, и настаивать на продолжении этого (континентального по масштабам!) единства.

Уже по одной этой причине, так сказать, волею истории, современный посткоммунистический Кремль просто обязан - волею судеб - продолжать эту старую, начатую в начале правления генсека Брежнева, традицию.

Вне зависимости от того, насколько велико всемирно-историческое значение нашей Победы в Великой Отечественной войне для глобализирующегося мира, для одной шестой части земной суши - территории Российской империи и СССР, 9 мая - великий день. Значение его для нас - нельзя переоценить.

Это - наш праздник!

¹<http://assembly.coe.int/main.asp?Link=/documents/records/2008/e/0801211500e.htm>

²*Duprat, François. Les campagnes de la Waffen SS. Paris, 1973.*

³*Nolte Ernst. La Guerre Civile Européenne, 1917-1945. National-socialisme et bolchevisme. Paris, 2000.*

⁴*Щербатов, князь Алексей, Криворучкина-Щербатова, Лариса. Право на прошлое. М., 2005. С. 169.*

⁵*Russett, Bruce M. No Clear and Present Danger. A Skeptical View of the United States Entry into World War II. New York, Hagerstown, San Francisco, London, 1972.*

⁶*Квицинский Ю.А. Россия - Германия. Воспоминания о будущем. М., 2008.*

Ключевые слова: Вторая мировая война, маршал Петен, англосаксы, «Большая тройка», Муссолини, коллаборационизм, Сопротивление.